

ческой программы программой эсеровской. Точно так в 1917 г. Ленин заключил союз с крестьянством на почве эсеровской земельной программы. Основное во всех этих предполагаемых изменениях следующее: ведущая идея пролетариата должна быть расширена до идеи трудящихся, — тогда под нее подойдет и крестьянство, и трудовая интеллигенция. Для того же, чтоб политически это оформить, придется амнистировать и подобно левым с.-р. в 1917 г., легализовать все группировки, стоящие на почве советской системы. Возможно в форме развернутой советской демократии.

Насколько реальна возможность такого переворота сверху? Вот несколько соображений в пользу этого. Не следует забывать, что Наполеон-ковсуд, завтрашний император, вчера был, как теперь Сталин, якобинцем. Фактически уже сейчас в стране установился режим личной диктатуры Сталина, личная же диктатура может легче, чем партийная менять программу. К тому же Сталин меньше кого бы то ни было в партии доктринер, партийный начетчик. Он поэтому один способен сделать вывод и из этого политического правила насчет переворота: «если не сверху, то снизу». При том же Сталин государственный человек первого ранга. В этом он превосходит Ленина, который был больше тактик и мыслитель, чем государственный и организатор. В качестве же такового, Сталин, как опытный капитан, не остановится перед тем, чтоб выбросить с судна весь груз всяких книжных теориек, когда нужно будет спасать главное, — Революцию.

Немецкий гитлеризм и русская эмиграция

(ТЕЗИСЫ)

1. Будучи в тяжелом, трагическом положении и в нем, естественно, хватаясь то за один, то за другой мираж, некоторые круги русской эмиграции готовы погнаться за новым, гитлеровским миражем, хотя призрачность его наиболее очевидна.

2. Новая «ориентация» не только лишена реального смысла, но, принимая во внимание цели гитлеризма: отторжения территорий и колонизацию некоторых частей России, а также откровенное третирирование им всех славянских народов, в качестве низшей расы, — такая ориентация несовместима не только с нашими интересами, но и с нашим национальным достоинством.

3. Пробуждение германского империализма, которое прежде всего будет выражаться в одновременной его экспансии на Запад

(Франция) и на Восток (Россия) вновь ставит в порядок дня **историческую дружбу** Франции и России, взаимную заинтересованность которых теперь и надлежит всячески пропагандировать в русских и французских кругах.

4. При одном и том же общем могучем противнике у Франции и России, как и вообще у славянских стран, нет ни одного существенного международного противоречия, чем объясняется тот неожиданный факт, что Франция пошла на союз даже с **Советской** Россией.

5. Тем не менее, в течение, по крайней мере, ближайшего десятилетия Германия воевать с Россией неспособна: она не может пойти на войну с великой, грандиозной страной, имея впереди себя Польшу, в тылу могущественную французскую армию, по бокам английский флот и блок держав Малой Антанты, а внутри себя, лишь загнанное в подполье, рабочее движение.

6. Для того, чтоб Германия могла воевать, она должна вооружиться; чтоб она могла вооружиться, ей должны позволить вооружиться, чтоб ей это позволили, надо чтоб ее не боялись вооруженной. Последнего условия она лишила себя сама.

7. Теперешнее бессилие Германии обнаружилось уже в ее неспособности справиться даже с крошечной Австрией — с ее 20-ти тысячной армией и **немецким** населением, еще недавно сочувствовавшим аншлусу.

8. А между тем, внутренняя обстановка России такова, что близок момент разрешения ее исторического кризиса **внутренними средствами**. Акция же гитлеризма лишь укрепляет большевизм, особенно в международном отношении.

9. В отношении каких бы то ни было попятных шагов к захватам, территориальным отторжениям от России и пр. у нас может быть лишь один язык, язык оружия. И нашим лозунгом в этом отношении был и останется неизменным, лозунг: руки прочь от России!

10. Наше **безусловно** отрицательное отношение к гитлеризму, как врагу России, смягчается до условно отрицательного отношения к нему, как к внутреннему делу Германии, поскольку в нем есть отдельные элементы и некоторые внутрипартийные течения, которые и нам близки: моральное оздоровление, социальные радикализм, новые религиозные веяния и пр.

11. Из всего состава идеологии гитлеризма нам наиболее чужда и отвратна его псевдонаучная теория расизма и вытекающие из нее позорные проявления антисемитизма, несовместимые ни с достоинством великого народа, ни с нравственно-культурным уровнем людей 20-го столетия.

12. Но помимо решительного принципиального осуждения антисемитизма, всегда чуждого русскому народу **в целом**, мы не должны

забывать, что больше половины мирового еврейства находится в пределах славянских стран и главным образом России. — Этот факт может стать и огромным отрицательным, и огромным положительным фактором для нас, в зависимости от практического разрешения стоящего все более актуальным еврейского вопроса.

13. Наша идея не расизм — этот зоологический национализм, а мессианиззм: — не эгоцентрическая, а универсалистическая идея: только она совместима с вселенским духом и многонациональностью России.

14. В форме Российских Соединенных Штатов (в духе нашего лозунга: от **Российских Соединенных Штатов** — к **Всеславянским** — к **Мировым**), союза государств свободных и равноправных национальностей русский народ в сотрудничестве с другими братскими народами будет творить **новую культуру** и формы новой высшей общественности, а не чинить угнетение, насилие и эксплуатацию, прикрываясь расовой теорией своего превосходства. Всем славянским народам настал час сделать выбор между третирующим их нисшей расой немецким расизмом, грозящим их превратить в колонии и навоз и между русским мессианизмом, мессианизмом российских народов, призывающим их к сотрудничеству во всемирно-историческом Деле строительства новых высших форм культуры и общественности.

15. Несмотря на некоторые черты сходства, целая пропасть отделяет нас от немецкого национал-социализма, — эта пропасть вырыта революцией: мы — пореволюционное течение, а он — дореволюционное — по той простой причине, что в Германии революции в нашем смысле не было.

16. Трагедия Германии — трагедия внешне политическая, трагедия России — внутренне политическая. Поэтому нас нельзя лечить национализмом, как еще менее «социализмом», поскольку он у нас и без того уже торжествует. Тем самым, ни первая частица в составе гитлеризма: «национализм», ни вторая: «социализм» для наших условий не может считаться адекватной.

17. Гитлеризм есть по существу **превентивная** контрреволюция.

18. Немецкий гитлеризм не только объективно невозможен у нас, — он недостойн нас: в сравнении с подлинно планетарным масштабом трагедии русского народа, немецкие события отдают безнадежным провинциализмом и убожеством — бурей в стакане воды, — не даром же с завистью некоего революционного «полусвета» последовательные представители его взирают на русский Апокалипсис, на наше подлинное светопредставление, как на ужасный, но и недостижимый образец. Если даже большевизм только преступление, то есть величие и в преступлении, — такое преступление мог совершить лишь великий русский народ.

С. Березной.